

просьбу гостившего в Ясной Поляне Репина почитать что-нибудь, охотно откликнулся:

— Конечно, Куприна...

Он прочел рассказ «Ночная смена» — о педавице крестьянине и рядовом Луке Меркулове, которого неодолимо тянет в деревню и которому по ночам снятся родной дом, поле, река и весь усеянный «гречкой» мерин. Оставленный дом представляется чуть ли не раем, потому что в солдатах ему хоть пронадай: «Кормят его вироголодь, наряжают не в очередь дневалить, взводный его ругает, — иной раз и кулаком ткнет в зубы, — ученье тяжелое, трудное...»

Кончив читать «Ночную смену», Толстой указал на некоторые места, которые ему особенно понравились.

— Я был в военной службе, вы не были, — обратился он к Репину, — женщины совсем ее не знают, но все чувствуют, что это правда...

Репин живо отозвался:

— Еще бы! Куприн — бывший офицер, ему и карты в руки.

— Да, он хорошо знает все, о чем пишет, — согласился Толстой. — Мы тут несколько вечеров подряд читали вслух его «Носдинок», очень хорошо, только где пускается в философию, неинтересно.

— Превосходная вещь, — сказал Репин, — но одни отрицательные типы.

— Полковой командир — прекрасный положительный тип, — возразил Толстой. — Какая смелость! И как это цензура пропустила, и как не протестуют военные? Пишет, что молодой офицер мечтает о том, чтобы, во-первых, метить вверх, если придется стрелять в народ, во-вторых, пойти шпионом-шарманщиком в Германию, в-третьих, отличиться на войне. Он в слабого Ромашова вложил свои чувства.

— А корпусной командир — это Драгомиров, — заметил сын Сергей Львович.

Толстой согласился:

— Новый писатель пользуется старыми приемами. Дает живое представление о военной жизни... В искусстве главное — чувство меры. В живописи после девяти верных штрихов один фальшивый портит все. Достоинство Куприна в том, что ничего лишнего. Куприн — настоящий художник, громадный талант. Поднимает вопросы жизни более глубокие, чем у его собратьев...

Толстой обращает внимание слушателей на то, что Куприн хорошо знает все, о чем пишет. Но как накопились эти знания, как панесла их в душу художника река жизни?

Удивительная и чисто по-русски трагическая судьба.

Раннее сиротство (отец, мелкий чиновник, умер, когда мальчику был год); непрерывное восемнадцатилетнее затворничество во всякого рода закрытых казенных заведениях (сиротский дом, военная гимназия, кадетский корпус, юнкерское училище); затем после нескольких лет унылой военной службы в провинции выход в отставку, полуголодное существование человека без профессии; первые литературные удачи, стремительный взлет; слава, деньги, безудержная трата сил и в эмиграции, в далеком Париже, быстрое физическое угасание, нужда; наконец, осуществившаяся мечта вернуться, чтобы умереть на Родине...